

УДК 355.4
ББК 66.4(4)/66.4(8)
К 75

Посвящается
Владимиру Николаевичу Сунгоркину

Коц, А.И.

К 75 500 дней поражений и побед. Хроника СВО глазами военкора / Александр Коц. — М.: ИД «Комсомольская правда», 2023. — 464 с.

ISBN 978-5-4470-0676-1

Знак информационной продукции **16+**

«В дни поражений и побед» — так называлась первая повесть Аркадия Гайдара о событиях Гражданской войны, которые разворачиваются в том числе на Украине. Имя Гайдара выбито на мемориале в редакции «Комсомольской правды» в память о военных корреспондентах, не вернувшихся с фронтов Великой Отечественной. С этой памятью связана вся журналистская судьба военкора «Комсомолки» Александра Коца, не случайно назвавшего свою книгу о Специальной военной операции «500 дней поражений и побед».

Честный и «непричесанный» дневник военного корреспондента восстанавливает эти дни через судьбы знаменитых и безвестных, харизматичных и неброских людей, с которыми автору посчастливилось быть рядом на всех фронтах СВО — от Донецка до Киевской области, от Луганска до Херсона, от Артемовска до Запорожья...

УДК 355.4
ББК 66.4(4)/66.4(8)

ISBN 978-5-4470-0676-1 © Коц А.И., текст, фото, 2023

© АО «Издательский дом
«Комсомольская правда», фото, 2023

© АО «Издательский дом
«Комсомольская правда», оформление обложки,
2023

19 июля 2022 года я получил СМС от шефа:

«Саша, «КП» готова тебя субсидировать, скажи, сколько надо на боевую машину, — сделаем. А то мы как-то выглядим странно — военкор большой медиагруппы собирает себе на джип. Напиши мне на почту записку, куда и как деньги передать. Оформим как доппремию тебе — и катайся».

Всего полчаса назад я повесил в Телеграме объявление о сборе на внедорожник для рабочих нужд. Моя старая машина приказала долго жить, а перемещаться по зоне СВО приходится много. Решил пойти по миру с шапкой, чтобы лишний раз не напрягать контору.

Но главный редактор «Комсомолки» Владимир Сунгоркин мгновенно рассудил иначе.

На выделенные им деньги я купил внедорожник, на собранные в Телеграме средства загрузил его коптерами и тепловизорами и снова отправился на войну, в очередной раз разминувшись с шефом.

Мы не встречались с самого начала СВО, изредка перебрасываясь сообщениями в мессенджере. Ему не нравилось, что мы месяцами не вылезаем из командировки, и периодически Владимир Николаевич мягко намекал, что надо бы отдохнуть: «Отличная работа и у тебя, и у Димы Стешина. Но, конечно, мы все тут очкуем, чтобы у вас что-то не приключилось. Вы оба уже так достойно отработали, что можете с высоко поднятыми головами возвращаться домой. Береги себя, будь очень аккуратен и голову не высовывай лишний раз».

Он долго мариновал меня в «Комсомолке» сначала внештатником, потом в стажерах: право на штатную должность в лучшем издании страны надо было заслужить. И это было непросто. А потом, когда поверил, стал подписывать мне командировки на войну. Чечня, Южная Осетия, Афганистан, Ливия, Сирия, Украина, Ирак, Египет...

И я знал, что в каждой из этих командировок он стоит за моей спиной, как стена.

...Осенью 2022 года я на несколько дней приехал по делам в Москву. Снова не застал шефа — он был в отпуске. Списались с ним 13 сентября, нужно было решить важный вопрос. «Саша, я в тайге, в Приморском крае. В Амгу сегодня, здесь связь очень дохлая», — ответил он. Но важный вопрос решил. А 14 сентября на входе в метро в голову выстрелил звонок: «Ты слышал?» Сунгоркин, казавшийся мне всегда вечной и несокрушимой глыбой, умер во время экспедиции по родному Дальнему Востоку.

Его похоронили на «нашей аллее». Так мы, военкоры, в 2014 году назвали ряд на Троекуровском кладбище, где в последний путь провожали сначала погибшего в Донецке оператора 1-го канала Анатолия Кляна, затем попавших под минометный обстрел под Луганском журналистов ВГТРК Игоря Корнелюка и Антона Волошина, следом — убитого под Снежным фотокора РИА «Новости» Андрюху Стенина...

Свой новый внедорожник я окрестил Суней, как все в «Комсомолке» между собой называли шефа. Он проехал уже 30 тысяч километров — от Белгорода до Луганска, от Артемовска до Херсона, от Донецка до Токамака...

Надежный, как его тезка, он спасал меня от многих неприятностей, как Сунгоркин спасал от нервных политиков, обидчивых генералов и душных кляузников, принимая удар на себя.

По совету моего отца я посвящаю эту книгу Владимиру Николаевичу.

500 ДНЕЙ ПОРАЖЕНИЙ И ПОБЕД

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО ДОРОГАМ ВОЙНЫ И СТРАНИЦАМ ЭТОЙ КНИГИ

В очередную командировку в Донецк я приехал 19 февраля. Еще летали самолеты до Ростова, уже шли колонны с беженцами из Донбасса. Эвакуация была объявлена накануне, и навстречу двигались бесконечные конвои рейсовых автобусов, забитых людьми, собаками, кошками...

Я понимал: ЧТО-ТО будет. Но не знал наверняка.

Еще 21 февраля, после признания независимости Луганской и Донецкой народных республик, я был уверен, что теперь мы просто введем войска по просьбе законного правительства ЛДНР, чтобы предотвратить катастрофу. Давление со стороны Украины на линию разграничения нарастало. Было видно, что Киев всерьез способен начать наступательную операцию — концентрация ВСУ в те дни у границ республик была запредельная.

В ночь на 24 февраля я оказался под Луганском, на берегу Северского Донца. Две украинские ротно-тактические группы по 70 человек форсировали на лодках естественный рубеж обороны, являвшийся тогда линией фронта. Основной их задачей, по словам луганских силовиков, было взятие под контроль двух господствующих высот, на которых находились опорные пункты Народной милиции ЛНР.

И им удалось это сделать.

Меня с другом и коллегой с ВГТРК Женей Поддубным этот бой застал недалеко от села Николаевка, которое и атаковали украинцы. Воздух разорвала трескотня десятков стволов. В небе прошелестели несколько реактивных снарядов, заработала артиллерия, темноту то и дело озаряли яркие вспышки разрывов.

Украинцы не стали атаковать в лоб, обойдя опорные пункты по флангам и начав зачистку дачного поселка, примыкающего к высоте. Они стремились обеспечить оборону понтонной переправы, которая уже была готова к развертыванию. Но закрепить ее не удалось. На-

падавшие ретировались, оставив на земле девять пробитых пулями и разорванных осколками тел.

Возможно, это были первые трупы на выхолзавшей из-за горизонта войны...

Репортаж я писал в ночи в луганской гостинице — там был Интернет. Легли в два часа, в четыре проснулись и выдвинулись в Донецк. На границе между республиками вдруг заработала дэнээровская сим-карта. Телеграм взорвался сообщениями.

— Жек, просыпайся, — растолкал я кума Поддубного. — Война...

Я растерянно листал новостные ленты, пытаюсь осознать масштаб событий. Мало кто верил, что это будет именно так. Пусть и понимали многие, что ответ на геноцид русских в Донбассе лежит исключительно в военной плоскости. Ведь Минские соглашения не могли разрубить пропитанный кровью узел. Более того, Россия потерпела бы сокрушительный имиджевый удар, впихнув Донбасс обратно на Украину. И она, анти-Россия, никуда бы не делась с периметра наших границ.

Но война...

Надо было привыкать к этому страшному слову. Хотя в те минуты мой телефон разрывался от других. «Ура! Победа!» — писали друзья-дончане. Восемь лет они терпели издевательства Киева. Восемь лет горя, смертей, лишений. В это утро каждый житель Донбасса закрывал свой личный счет. За малышню, погибшую под обстрелом на донецком карьере, за «горловскую Мадонну», за Славянск, за Моторолу...

Что я мог возразить этим людям?

Да и не хотелось возражать.

Еще в 2014 году я сделал то, чего репортер, как учат на журфаках, делать не должен во имя объективности, воспарения над схваткой и прочих высокопарных принципов, — я выбрал сторону. Сторону Русского мира, близких мне ментально и культурно людей, таких же русских, как и мы с вами. И я не собирался играть в напускную объективность. Потому что и за моей спиной стояли Андрюха Стенин, Толя Клян, Антон Волошин, Игорь Корнелюк. Все, кто не дожил...

Эти смутные мысли роились в голове, когда я подъезжал к Донецку, бурлившему в ожидании избавления. Но оно не пришло ни в тот

день, ни на следующий, ни через месяц. Многие надежды той незабываемой ночи сегодня кажутся невыносимо наивными. За полтора года мы узнали много нового — и не всегда приятного — о нашей стране, армии, о себе. Простодушие переплавлялось в цинизм, мечты — в разочарования, страхи — в усталость. Понимание, что легкой победы не будет, приходило не сразу.

И приходило очень болезненно для многих. Я в их числе.

Поэтому взгляд от первого лица будет чередоваться в этой книге со свидетельствами тех, кто волею судеб оказывался в самом пекле войны. Но у меня и сегодня нет ответа на вопрос: где оно самое? Донецк? Лисичанск? Кременная? Артемовск?

Путеводитель по этой книге — флажки на карте боевых действий. Судьбы знаменитых и безымянных героев. Зарубки в памяти военкора.

500 дней поражений и побед.

Как быстро они пролетели...

ДОНЕЦКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА

1 ДЕНЬ

24 февраля 2022

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ

«Кого не успел поздравить с 23 февраля — поздравляю с 24-м», — все-таки донецкий юмор со здоровой долей цинизма — штука особенная. Даже в самые страшные дни «активной фазы» дончане не теряли присутствия духа и шутили. Горько, с тенью обиды, но смешно ровно так, как может быть только на войне. Вне ее такой юмор не только не поймут, но даже осудят. Потому что не смогут понять облегчения людей, когда они понимают, что их страдания не только заканчиваются, но и будут отомщены.

— За восемь лет задолбала уже Украина, надо ее до Львова освободить и полностью очищать от нечисти, — говорит житель Донечка Николай. — Прямо настроение поднялось. Столько лет терпеть, ну сколько можно. У меня сестра на той стороне, в Авдеевке. Не могу туда дозвониться.

— А сестра хочет, чтобы город освободили?

— Да они все там хотят. Там уже всех задолбали этим нацизмом.

С утра город слушает тяжелую музыку войны. Гаубицы, минометы, «Грады» — бахает так, словно это 14-й год. Только бахает однообразно, в основном — «минусами», как здесь называют исходящие выстрелы, по противнику. Силы ДНР перешли в контрнаступление, пытаясь прорвать линию обороны. На юго-западном фронте это удалось: по направлению к Волновахе Народная милиция при поддержке артиллерии Вооруженных сил России продвинулась почти на семь километров. ВСУ упирались под поселком Петровское, но в итоге ретировались. 14 бойцов предпочли сдаться в плен. По окончании боевых действий их должны отпустить.

Столица же всей той военной суеты словно и не замечает. Никто не ломится в магазины закупать гречку и туалетную бумагу. Не стоит в очередях на заправках. Не запасается водой. Отбоялись.

— Мы с Путиловки, нам тоже было очень страшно и в 14-м, и в 15-м годах, — признается мне Людмила у площади Ленина. — Сын воюет — товарищ капитан. Внук — товарищ майор. Так что мы рады, что наконец будет нам свобода.

— А с той стороны созваниваетесь? Краматорск, Мариуполь?

— Они уже там молятся — поскорей бы. Рассказывают правду, что мы о них думаем, нам говорить запрещено. Поэтому мы так рады.

— Не жалко обычных людей, которые где-нибудь в Киеве сейчас прячется в бомбоубежище?

— Пусть им будет страшно, как нам было. Но недолго.

— Там много нормальных людей, которые не поддержали Майдан, — вступает в разговор стоящий рядом бывший шахтер Александр Иванович. — У них сейчас хаос в голове. Сколько у них там закрывали телеканалов? Кто им мог рассказать правду? И там со всех утюгов рассказывали, что агрессор — Россия. Восемь лет они с ней воевали. Ну вот, пожалуйста, пришла Россия на войну. Я им, конечно, сочувствую, но ничего, переживут. Мы восемь лет терпели. Пусть наберутся силы и не падают духом. Пройдет это время, все будет хорошо. Такого, как у нас, у них точно не будет.

...С наступлением темноты артиллерийские звуки стали глуше и тише. Ощущение, что фронт все-таки начал двигаться в сторону от Донецка. Хотя и не очень быстро.

25 февраля 2022

ПЕРВЫЙ МАРШ

«Байден, так тебя и так! Обманул!» — матерится коллега, выскочив из машины и уйдя по щиколотку в плодородный донбасский чернозем. Земля, как обещал президент США, не промерзла, но военная спецоперация России все-таки началась. Бесконечные колонны бронетехники армии ДНР тянутся на запад и юго-запад дорогами, которыми почти 80 лет назад их деды освобождали Донбасс от фашистской оккупации. И точно так же мессили солдатскими сапогами раскисшую под снегом и танковыми траками «чваку».

Всё только начинается

По наступающим колоннам можно судить, пожалуй, о всей номенклатуре военной техники, имеющейся в распоряжении у донецких войск. Самоходные артиллерийские установки «Акация», танки Т-72, БМП, ствольная артиллерия, «Грады»... Где-то незримо все это наверняка прикрывают российские системы ПВО. Запущенную Украиной в пятницу по Донецку тактическую ракету «Точка-У», к примеру, они перехватили без особых усилий.

Ударные силы группируются для продвижения в одном из отвоеванных сел. Мужикам скоро в бой, а они стоят с сигаретками, хохмят. Вокруг грохочет, как во время Донбассской операции 1943 года, но постепенно артиллерийский шум становится фоном.

— Эх, скоро домой, восемь лет с мамой не виделся, — смеется боец с позывным «Топаз». — Я с Мариуполя. Там ждут, давно ждут. Многие у нас со Славянска, все хотят домой, у всех там родители. У меня там дом остался. А то восемь лет по съемным квартирам, это же не дело.

За группой суровых мужиков с автоматами на земле сложен окровавленный камуфляж и пробитый бронезилет. Война не бывает без потерь.

— Они на БМП были, залезли на броню и поехали разведдозором, — рассказывает мне знакомый еще по славянскому ополчению «Клим». — Начали брать опорник, проверить, будет оттуда вестись огонь, не будет. Он был практически уничтоженным, кто сопротивление оказывал, тех зачистили. Через дорогу «зеленочка» и уже противник. Они выскочили на дорогу. И вражеская БМП начала работать прямой наводкой. Один боец скатился в кювет, Вова не успел слезть и погиб прямо на броне. БМП целая, назад откатилась, вот...

«Клим» рассказывает о гибели друга буднично, хотя я понимаю, что под ребрами у него костром трещит желание мести. За 8 лет он потерял много боевых товарищей. Но сегодня, как никогда, близка та цель, после достижения которой можно будет смело сказать, что все было не напрасно. Мужики грузятся в КамАЗы, рассаживаются по скамейкам, грузовик, прокашлявшись, выплевывает сгусток едко-го дизельного дыма.

— **Как настроение, отец?** — протягиваю пачку сигарет немолодому бойцу в кузове.

— Нормальное, с победой будем возвращаться. Все будет хорошо.

— **Сильно они там упрутся?**

— Вот сейчас и проверим. Победа будет за нами. Это — наша земля. Наш дом.

Колонна уходит вперед, в бой. Гражданские люди, по воле судьбы ставшие профессиональными военными, едут без лишних суеты и эмоций. Как на работу.

ПЕРВОЕ ОСВОБОЖДЕННОЕ СЕЛО

Красно-черный флаг «Правого сектора» (запрещен в России. — *Авт.*) виден издали — кто-то из очень увлеченных неонацистов забрался на опору ЛЭП у дороги, соединяющей Докучаевск и поселок Николаевка, и приладил там свой прапор. До недавнего времени территория между этими населенными пунктами была «серой зоной». И на этой дороге можно снимать фильм о постапокалипсисе — она поросла высокой травой и мхом, слева — по-

Красно-черный флаг «Правого сектора» виден издали

битая осколками лесопосадка, справа — кажущиеся безжизненными бескрайние поля. Хотя на самом деле там — позиции ВСУ. Поэтому расстояние на открытой местности преодолеваем со скоростью, которая при таком состоянии дорожного полотна близка к безумной.

Первое, что бросается в глаза в освобожденной Николаевке, куда мы влетаем с пробуксовкой, — это добротные кирпичные дома, на которых нет отпечатка войны. Ни пулевых «оспин» на стенах, ни разбитых артиллерией стен, ни пробитых крыш... Даже окна целые. За восемь лет, пока село было под контролем Киева, в него не упал ни один снаряд. Но как только его заняли войска ДНР, со стороны Незалежной не постеснялись обстрелять Николаевку. Несколько домов были повреждены, один догорал на наших глазах.

— Была тут Украина — и нет, — констатирует солдат на углу с позывным «Топаз».

— **Местные жители тут ходят?**

— Выходят. Но большинство по подвалам, потому что все время идет стрельба.

В подтверждение его слов вокруг деревни начинает бахать, словно гигантские листы шифера падают с небоскреба. Так звучат «осадки» «Града».

— **Как к вам относятся?**

— Нормально. Претензий никаких нет. Даже наоборот, радуются, что мы пришли.

Заходим в один из дворов, стучимся в подвал. Выглядывает мужчина — Александр — и его дочка Виктория.

— **Удается следить за событиями?**

— Постфактум узнали. Когда уже обстрелы сильные начались, что война началась. А так как-то пропустили.

— **Александр, вот вы жили практически на Украине до последних двух дней. Теперь, получается, в ДНР...**

— Ой, сегодня только пришло. Только сегодня увидел. У меня еще даже мнения нету. Что я могу сказать? В 2014-м мы голосовали за независимость. А сейчас нам самое главное, чтобы была тишина, чтобы мы хоть выспались нормально. Умылись. Побрились.

— Трое суток вокруг бои, — докладывает нам на суржике пожилая жительница Мария по соседству со сгоревшим домом. — Я не боялась, а сын боялся...

— **Чего так?**

— Еле с погреба вытягла.

— **Бойцы ДНР как к вам относятся?**

— Хорошо. Пришли сюда в сгоревшую хату, проверяли, не погибли ли жильцы.

— **Кто дом-то сжег?**

— Так Украина поразбивала.

— **А много народу в селе?**

— Сейчас 1200 человек. А было богато, до трех тысяч.

— **Как жили при Украине?**

— Хреново. Погано жили. Слава Богу, пришли... У меня русская душа, давно хотела... А тут военные, вы кто, спрашиваю, хлопцы? А они — русские. Да не может быть! Слава тебе Богу! Восемь лет ждали. Спасибо вам!

На обратном пути на въезде в Докучаевск издали заметили рассеивающийся дым и прижались к забору. Не успели выйти из машины, рядом, за склоном, оглушительно жажнуло, тело сообразило быстрее головы, упав на всякий случай на мокрую землю. Из положения лежа наблюдаю, что старик на дороге как шел, так и продолжил свое флегматичное путешествие, даже не вздрогнув. За восемь лет страх притупился, горько, когда мирные люди привыкают к войне. Артиллерия ВСУ перенесла огонь ближе к центру Докучаевска. Воспользовавшись массированным артобстрелом с нашей стороны, поехали в город — арта разбила школу, жилой дом, зоопарк, газопровод...

В подвале здания с разбитой снарядом верхней квартирой сидели дети. Самый старший был еще совсем маленький, когда в первый раз узнал, что такое артобстрел и сырой подвал. Рядом с ним — совсем маленькие соседи, которые даже не знают, что такое жизнь без войны. Дай Бог им забыть, что это такое.

26 февраля 2022

ПЕРВЫЕ ПЛЕННЫЕ

Помытые, побритые, переодетые в чистое — пятеро украинских военных из 53-й мотострелковой бригады зашли в комнату со сцепленными за спиной в замок руками. Ежедневно в ДНР добровольно покидают свои позиции и сдаются республиканским войскам десятки украинских военнослужащих. Эти решили закончить свою войну накануне.

Мы встречаемся с ними на пункте временного размещения. Мне доводилось общаться с пленными в 2014—2015 годах. Их рассказы однообразны, как под копирку, поэтому от грядущей беседы многого не ожидал. Однако она нарисовала не столько портрет украинских вояк, сколько образ современной Украины, в которой убивать людей идут от безысходности.

Старший лейтенант Александр Марок.

Родом с Павлограда, Днепропетровской области. Учился в металлургической академии, имеет специальность «термическая обработка

металла». Оттрубил на военной кафедре при горном университете, получив звание младшего лейтенанта.

Дальше скитания по разным частям Минобороны и Нацгвардии в поисках оптимального соотношения безопасной и оплачиваемой работы, пока наконец не осел в 53-й бригаде.

— Просто возле дома работать хотелось, — говорит старлей.

Под донецкую Богдановку он попал в качестве командира противотанкового взвода, но «Джавелинов» он в глаза не видел. А британские NLAW, как говорится, только разок — в дверной глазок. Говорит, что в боях участия не принимал, солдаты занимались бытовыми вопросами, сами себя охраняли.

— Под утро началась массированная артподготовка, летело много снарядов. То есть мы там просидели в окопах, даже ничего и не смогли сделать. Пока где-то к семи утра не дождалась технику. Я думаю, это были бригадные танки, они выехали на поле, мы уже начали сворачиваться. Созвонился с командованием, с комбатом, говорю — что нам делать? Он говорит — сидим дальше, удерживаем позиции. То есть мы там так и просидели. Где-то спустя еще часа два по нам началась опять артподготовка. Вышел на связь, сказали сворачиваться. Я и солдат Деревянко побежали в дом, там затаились и сидели часа три. Думали переждать артподготовку. Когда уже она утихомирилась, мы слышали технику, вертолеты. Выбежали на дорогу и увидели, что там стояли ваши ребята, ну, мы сразу сдались.

— Вас как-то идеологически накачивали, против кого вы воюете?

— Ну, вот мне говорили, что там прорыв, сепаратисты с поддержкой России.

— Комплектуется 53-я бригада в основном людьми из каких регионов?

— Луганская, Донецкая области. В техническом плане комплектация очень плохая. И топлива нет, и машины поломанные, все старое, ничего нет нового. У нас в батальоне новеньких, которые только поприходили по первым контрактам, около 115 человек. Никто не рассчитывал, что такие действия развернутся.

Первые украинские пленные: «Мы не хотели, нас заставили»

Оператор противотанкового взвода Роман Голуб.

Он из Артемовска, который в ходе декоммунизации был переименован в Бахмут.

Срочку служил еще в украинском Крыму, потом работал на заводе.

— До последнего не хотел идти в вооруженные силы, так совпало, что жену уволили с работы, я остался без работы. Двое детей. Средств к существованию не было. Пошел в военкомат. А куда деваться? Заводы все повырезали, станки, машины на вторчермете, я лично видел, вывозят оборудование с заводов. Работы нет вообще. Ну вот, чтобы заработать, семью содержать надо, решил подписать контракт.

— А в Артемовске в 2014 году в референдуме участвовал?

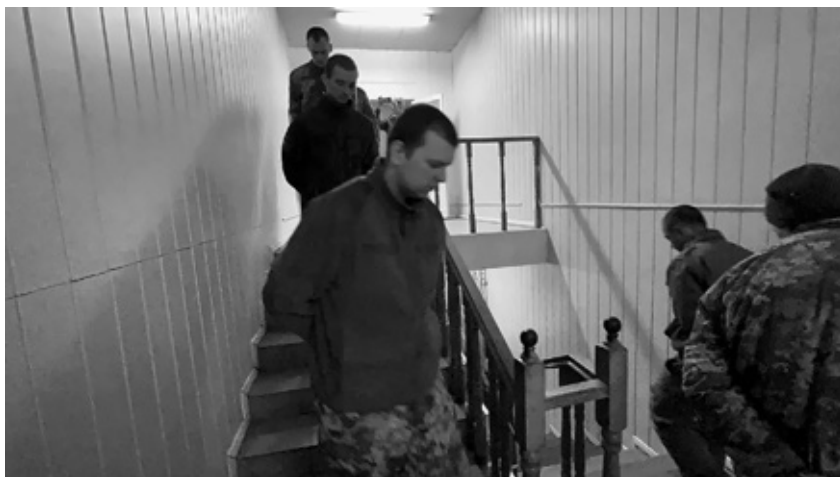
— Да.

— За что голосовали?

— За ЛНР.

— А почему в итоге пошел против ЛНР воевать?

— Восемь лет война. Когда она уже закончится? Денег не было. Работы нет. Семью содержать надо. Когда ребенок говорит: «Хочу кушать»...

Пленные ВСУ: «Денег не было, вот и пошел в армию»

Солдат Андрей Литвинов.

Родился в Краснодарском крае, в Успенском районе, но потом переехал с мамой в Луганскую область. Получил специальность тракториста-шофера, слесаря-комбайнера. Служил срочку во Львове, потом два года пинал дурака на гражданке и вернулся в армию — зарабатывать.

— Подписал контракт, меня не обули, не одели, пацаны, что могли, то и дали. Берцы, курточку, шапку, флиску уже жена с дома выслала, чтобы в гражданке не был. Нас привезли на линию фронта, бросили, сказали — идите, наблюдайте за техникой, стерегите... Дали 4 магазина и один «калаш». Все. Начались боевые действия, я звонил. Спрашивал, что делать, заберут нас или не заберут? Сказали — держите оборону. А потом мы поняли, что смысла нет вообще воевать, и мы решили отступить.

— **Решили спрятаться в жилом доме?**

— Да. Мы автоматы, бронники поскидывали, потом услышали шум, фонариком посветили — мы не сопротивлялись, сдались, и нас приняли, отвели до начальства, побеседовали, накормили и привезли сюда.

— **Кто ждет дома тебя?**

— У меня дома жена беременная на седьмом месяце, двое детей от первого брака. Сестры и братья.

Сдавшиеся украинцы больше воевать не хотят

— **Если тебя сейчас отпустят, а дома снова призовут?**

— Я больше не пойду, мне хватило. Эта война уже научила меня тому, что смысла нет воевать. За что? За то, что так по-хамски относятся? Бросили, как скотину, а сами удрали. Я считаю, это ненормально.

«ЛЮДИ ВЕЗДЕ ПОГИБАЮТ»

Оксана Кравцова, медик-стрелок.

И она из Луганской области, работала поваром в столовой. Окончила медицинские курсы и «решила пойти спасать людей». В отличие от своих сослуживцев, Оксана, похоже, говорила ровно то, что думала. Без показной дерзости, без вызова в глазах, но твердо и уверенно.

— **Вы знали, что Вооруженные силы Украины убивают мирных жителей Луганска и Донецка?**

— Конечно, знала. Их убивают уже восемь лет, война идет.

— **И вас это не остановило?**

— На тот момент, когда я подписывала контракт, такой, как сейчас, войны не было.

— **А про 2014, про 2015 годы вы знали?**

— Да, знала, на тот момент война была сильная.

— И все равно решили пойти в армию?

— Да. Медиком.

— Как в плен попали?

— Я одна осталась из всех выживших — вот и попала. Я была на блиндаже и после каждого сильного артобстрела выходила и проверяла, есть раненные или нет. Первый раз все обошлось...

— Сколько лет вам?

— 36.

— Когда война началась, вы были уже вполне взрослым человеком и понимали, что происходит.

— Конечно.

— А дети есть у вас?

— Да, дочь.

— Вы видели кадры с убитыми детьми в Донецке?

— Да, конечно.

— И все равно пошли в армию. Почему?

— Я пошла не убивать. Я пошла оказывать медицинскую помощь.

— Тому, кто убивает?

— И их тоже убивают.

Видно, что она ни о чем не жалеет и полностью уверена в своей правоте. Наивно думать, что на той стороне сплошь нацисты и бандеровцы. Там много очень похожих на нас. Тяжело будет воевать.

28 февраля 2022

ПЕРВЫЕ ФЛАГИ

Еще пару дней назад от трассы Донецк—Новоазовск, от города Тельманово до линии фронта было не более 30 минут. Сегодня за наступающими частями еще надо угнаться. До городка Гранитное мы ехали полтора часа, пришлось сделать серьезный крюк из-за взорванного украинцами моста. Этот город часто фигурировал во фронтовых сводках. Из него ВСУ в свое время пытались одним ударом перерезать стратегическую трассу, разрубив север и юг ДНР. Оттуда же велись артиллерийские обстрелы Тельманово...

Андрей (слева) и Александр Коцы — братья-военкоры

— А как считать-то, мы на два умножаем? — спрашивает продавщица в магазине Гранитного.

Если ДНР давным-давно перешла на рубли, то с территории, которая восемь лет была под контролем Киева, гривны никуда не уходили. В 2014 году город проголосовал за независимость Донецкой народной республики, но в ходе тяжелых боев остался за украинской армией. Следы тех боев до сих пор видны невооруженным глазом, который тут и там выхватывает разбитые дома. За восемь лет украинские власти не потрудились хоть что-то восстановить.

— На два с половиной умножайте, — подкорректировал валютный курс глава ДНР, зашедший в магазин купить сладостей для бойцов на передовой.

В магазине затовариваются донецкие военные, а они и забыли, как гривны выглядят. Продавщица шуршит в пакетике в поисках мелких купюр на сдачу. Женщины рассказывают, что жители рады, что на-

*Глава ДНР Денис Пушилин поднимает российский флаг
в освобожденном Гранитном*

конец смогут ездить в Донецк без блокпостов — до этого дорога занимала аж 36 часов вместе со стоянием в очереди. Спрашивает главу, что будет с социальными выплатами, пенсиями, тарифами ЖКХ. Тот отвечает, что все наладят, а тарифы будут куда симпатичнее украинских.

У прилавка разговорился с бойцом.

— Наконец-то попал домой, семь с половиной лет тут не был. Здесь без меня похоронили отца, сестру. По две машины СБУ стояли, ждали, что я на похороны приеду, — играет желваками Эскандер Исаев.

Вместе с Денисом Пушилиным поднимаюсь на крышу местной администрации, где глава ДНР устанавливает два флага — российский и республиканский.

Лиха беда начало!

4 августа 2022

ПОЛГОДА СПУСТЯ. ПЕСКИ. ИСПОВЕДЬ

Наступление на пригороды Донецка, где уже 8 лет как окопались украинские войска, наконец развернул армейский кор-

пус ДНР при поддержке российской артиллерии. Атакуют Авдеевку. И поселок Пески, который называют ключами от Авдеевки. Штурмовым отрядам Донбасса уже удалось тут продвинуться.

Всю последнюю неделю жители Донецка, подвергавшиеся обстрелам из Песок, наблюдали, как над этим поселком поднимаются клубы дыма — этого «вида из окна» тут ждали долгих восемь лет. Никаких мирных жителей в Песках давно нет. А сам поселок превращен в сплошной укрепрайон.

Появилась надежда, что линию фронта наконец отодвинут от Донецка и горожане перестанут бояться выходить на улицу.

О серьезности наступления можно судить и по реакции с той стороны. Не от штатного сказочника киевского режима Алексея Арестовича, который каждый вечер «вангует» по украинскому телевизору скорую перемену.

А из окопов Песок, которые сидящие в них уже назвали адом.

Вот откровения украинского бойца Сергея Гнездилова, воюющего в Песках. Его письмо опубликовано в соцсетях (и уже подтверждено раздраженной реакцией из Киева, где солдата обвинили в малодушии, но не опровергли того, о чем он рассказал):

«...Что еще терять, что еще могут отнять у меня на шестой день моего персонального ада в Песках, в километре от первой улицы Донецка? Тела тех, кто был мне дороже родни, валяются на жаре в раздолбанных 152-миллиметровым калибром окопах. 6500 снарядов на гребаную деревню меньше чем за сутки.

— Нет, я не скулю.

С нашей стороны работают два миномета калибром 82 и 120 миллиметров. Иногда просыпаются и «чихают» в сторону Донецка два ствола артиллерии. Мы почти не отвечаем. Контрбатареинный огонь отсутствует от слова совсем, враг без каких-либо проблем для себя кладет артснаряд в наши окопы, разбирает очень прочные бетонные позиции за десятки минут, без паузы и минимального отдыха продавливая нашу линию обороны.

Позавчера она сломалась, и полились рекой двухсотые/трехсотые (убитые и раненые на армейском языке. — *Авт.*). Я не буду пу-

бликовать никакую статистику, это в нашей стране запрещено, но вы даже не представляете количество потерь.

— Это долбаная мясорубка, где батальон просто своими телами сдерживает нашествие.

— Вы точно желали правду? Вот она, голая правда. Едет резерв на позицию закрывать прорыв собой, а через 5 минут из 15 человек целым остается один.

Везли трехсотого. Он всю дорогу кричал: «Где поддержка? Где артиллерия? Почему нас бросили? Почему нас никто не прикрыл?»

Я не знаю, друг, почему нас никто не прикрыл... Он кричит, а мне стыдно, что я до сих пор цел и невредим, только пару раз серьезно оглушило.

Проблевался, извините, и снова в строю.

— Все резервы раздолбаны, техника пылает, враг подходит и без проблем занимает наши позиции после очередного шквала арты.

Прямо сейчас мы теряем Пески, все человеческие и материальные наши возможности исчерпаны.

— Денис из Мариуполя, говоривший мне «ну я Арестовичу верю, мы скоро все вернем обратно», мертв. Его тело мы до сих пор не забрали. На развалинах Песок он лежит, раскинув руки, и его взгляд застыл.

Я верю, что все-таки выжил Димка. Потому что он не мог умереть, только вернувшись из госпиталя, только сделав предложение своей девушке. Дурацкая надежда.

— Знаю, мое государство не любит мысли вслух. Но мне не оставили выбора среди арестовщины. Должна звучать правда, а не разговоры на кухне шепотом.

— Не удивлюсь, если уже сегодня скажут: «Агент Кремля Сирожа разболтал о гениальном плане победы на Донском фронте, повесим его на Миротворец».

Бейте в набат, разбитые колокола, пока мы закрываем телами Пески».

Письмо с той стороны фронта, конечно, требует пояснений. Украинский солдат говорит, что им не хватает пушек. Тем не менее Донецк продолжают обстреливать, заваливать реактивными снарядами

Мужской разговор

с минами «Лепесток» (на которых рвутся мирные горожане). Правда же в том, что за полгода основной профессиональный костяк украинской армии выбит. На передовой по большей части — мобилизованные резервисты, собранные с улиц и пляжей. Многие — с Западной Украины. И у них нет ни навыков, ни мотивации воевать.

Но это не значит, что Украина не огрызается. Ее войска пытались контратаковать под Артемовском. Тремя батальонами с поддержкой танков, артиллерии пошли на село Покровское. И за один день тут погибло более 360 украинских военных, столкнувшись с оборонительной стеной ЧВК «Вагнер» и союзных войск. А дальше... Дальше остатки украинских батальонов гнали так, что они потеряли 6 танков, 4 БТР, БМП и 2 беспилотника «Фурия».

Что касается перевеса России в артиллерии, во многом его создал сам Киев. Зеленский перекинул часть пушек с Донбасса на Херсон: там он планирует наступление, о котором знает уже весь мир. При этом Зеленский заявил, что Украина не может переломить преимущество России в артиллерии и живой силе на Донбассе.

Это скорее рассчитано на уши Запада — чтобы выпросить еще больше реактивных систем HIMARS, самоходок CAESAR и гаубиц M777. А вот в живой силе все-таки превосходство у Украины, тут большого секрета нет. Причем на некоторых фронтах оно многократное.

10 августа 2022

ПЕСКИ. ОСВОБОЖДЕНИЕ

— Идем по тропе, след в след, в стороны не отходим — «лепестки» (противопехотные мины. — Авт.). Если что-то свистит — падаем прямо на тропу, — последний инструктаж перед выходом в сторону Песок с бывших передовых позиций армии ДНР.

Восемь лет они стояли здесь, упершись в передовой рубеж украинской армии. Расстояние между позициями здесь порой было всего 100—150 метров. Провокации, ночные перестрелки, позиционное бодание... И все восемь лет, в том числе и из Песок, украинские артиллеристы «кошмарили» жителей Донецка и близлежащих городов. У многих в Донбассе чесались кулаки, на штурм Песок шел с особым азартом. Это слышал весь Донецк...

Я не был тут пять месяцев, за которые столица ДНР поменялась до неузнаваемости. Жизнерадостный и жизнелюбивый город опустел, сквозь плитку на бульваре Пушкина пробивается трава, как в кино о постапокалипсисе, в гостинице на ресепшене вместо минералки выдают два бочонка с водой. Почти полгода Донецк даже не прифронтовой город — он на переднем крае. Перебои с водой, электричеством, ежедневные обстрелы — понятия «безопасный район» теперь здесь не существует. И постоянный звук канонады, действующий на нервы, как сидящий сзади в самолете непослушный ребенок, pinaющий спинку вашего кресла.

За последние пять месяцев здесь научились понимать, когда артиллерийскому шуму можно... радоваться. Залпы орудий раскатывались по городу, а разрывы в Песках звучали как надежда на избавление от террора, которому Донецк подвергается последние недели. Сводки с фронтов эту надежду подтверждали...

... От бывших передовых позиций донецкой армии идем, растянувшись в цепочку. Кто бы мог подумать, что инструкция о поведении при обстреле пригодится так быстро. Свист в воздухе, разрыв где-то за лесополосой, рассматриваю двух муравьев под носом, в упоре лежа.

— По одному — за мной, — командует сопровождающий.

«Странная картина для освобожденного поселка», — подумает скептик.

Я бы ответил, что она типичная. Каждый оставленный населенный пункт без исключения украинские войска ровняли с землей, засыпая снарядами. Будто в отместку. И Пески не исключение. Перед выходом я смотрел на работу операторов беспилотников 11-го полка ДНР. Сверху видно, что в поселке еще идут бои. Противник цепляется за небольшой район на северо-западе Песок, оказывая очаговое сопротивление. Он уже отрезан от основных сил, но продолжает упираться. В лучшем случае остатки гарнизона Песок — а это был мощнейший укрепленный первый рубеж обороны — обречены на плен. Где, конечно, внезапно выяснится, что воевать они не хотели, их заставили.

Накануне я пообщался с пленными, которые сдались в Песках. Все они — обычные русские мужики, например из Николаева, призванные по мобилизации.

— **Какую задачу вам ставили?** — спрашиваю Олега Шинкаева.

— Сидеть и ждать подкрепления. Держаться. По рации задавался вопрос — будет подкрепление? Нам сказали — будет, ждите.

— Мы даже не знали, куда нас привезли. Когда в плен нас взяли, узнали, что это были Пески, — уверяет еще один пленный Денис Давыдов. — Мы ничего не видели, потому что ночью привезли. Мы даже не знали, как обратно выходить, в какую сторону. Поэтому, кроме блиндажа и ближайших траншей, ничего не видели.

— Нам сказали, что мы будем на третьей линии обороны, где-то в тылу. Нас киданули, перевели аж на самый перед, я даже не знал, что мы в Песках, пока мы там не очутились, — жалуется Александр Дмитрик. — Надо помочь 23-му батальону — и все. Чем помочь, как помочь, не объяснили. Никаких команд, ничего. Там обычные солдаты как бы были старшие.

И вот встаешь с колен после очередного прилета мины или снаряда, оттряхиваешь штаны и думаешь: кто же там тогда упирается, если все такие блаженные да без командиров?

— Тут был укрепрайон противника, — говорит командир 11-го полка, за которым я забегая в побитый, но уцелевший коровник. — Это была их передовая линия, которую мы проломили. Сейчас зачистка Песок тяжело, но подходит к концу, финиш уже виден.

Где-то снаружи слышны множественные разрывы — противник запустил касетный реактивный снаряд. Через минуту по радиации приходит доклад: боеприпас оказался снаряжен минами-«лестками», которые были разбросаны как раз по пути нашего следования. Сопровождающие развели руками — сегодня пройти дальше не судьба. Но пообещали, что мы еще встретимся в центре Песок.

Рация тем временем сообщила о еще одном доме, зачищенном в северо-западной части поселка.

171 ДЕНЬ

13 августа 2022

ПЕРВЫЕ УРОКИ

Если представить армию противника, восемь лет осаждавшего Донецк, пастью какого-то зверя, то Пески были самым крупным его клыком, впившимся рядом с сердцем Донбасса. Некогда престижный дачный район областного центра превратился в синоним смертельной угрозы, которая восемь лет собирала свою жатву — жизнями мирных жителей Донбасса. Отсюда, практически из пригорода, велись постоянные артиллерийские обстрелы столицы ДНР. Этот же населенный пункт рассматривался командованием ВСУ и как плацдарм для штурма самого Донецка.

«На переднем у нас передышка...»

При серьезном натиске от аэропорта и до центра города на танке — 15 минут езды.

Попробуйте представить это незримое ощущение постоянной опасности, в котором выросли и пошли в школы дети, звуки разрывов, ставших привычным фоном, ежедневные траурные новости... Сегодня эти люди вздохнули с облегчением. Одной угрозой стало меньше. И оттого что это случилось как-то буднично, небольшой строкой во фронтовой сводке от Минобороны, все еще не верится.

Взятие Песок дает, естественно, не только психологический терапевтический эффект. Отсюда можно развивать наступление как в сторону Карловки, прирастая квадратными километрами по направлению к западной границе ДНР, так и на север — к Водяному, которое являются одним из ключей на подступах к Авдеевке. Занятие этого села серьезно осложнит противнику логистику.